

Хэ Шэньпин шёл рядом с Ван Бинем, держа в руках кувшин сливового вина, который он выкопал прошлой ночью в Сливовой роще. Накануне, когда закончилась смена, Ван Бинь подбежал к нему и молча наблюдал, как тот пишет хвалебную оду на тарелке.

— Как красиво, — улыбнулся Ван Бинь, растягивая губы. — Господин Хэ, теперь я могу прочитать все эти иероглифы. О... Можешь написать что-нибудь и для меня?

Хэ Шэньпин ещё не успел ответить, как Ван Бинь продолжил:

— Восхвали и меня, ведь я всё-таки побывал героем.

Перо Хэ Шэньпина замерло, и голос его стал глуше:

— Что ты имеешь в виду?

Улыбка Ван Биня стала ещё шире:

— Я признаюсь. Это всё я украл. Неважно, пятнадцать или двадцать пять, я признаюсь. Господин Хэ, иди поужинай, сегодня вечером будет добавка, не позволяй этим парням всё сожрать... Я, — он засмеялся, и его глаза покраснели, — я не пойду. Господин Хэ, я, конечно, не учился в школе, но одну истину я всё-таки понял.

Он уставился на хвалебную оду на тарелке и сказал:

— Герои становятся героями, потому что они не возвращаются. Поэтому я тоже не пойду к ним. Я соберу свои вещи и завтра утром отправлюсь на вокзал... Господин Хэ, я ухожу, сможешь написать для меня последний раз? Не нужно много, просто два иероглифа: «герой». Хорошо?

Хэ Шэньпин, прочитавший столько книг, теперь не мог вымолвить ни слова.

После смерти Цзян Хэлая он стал ещё более молчаливым. Иногда он вспоминал прошлое: как его отец требовал, чтобы он изучал западную философию и искусство, как настаивал на сохранении восточных традиций, как он отправился на корабле в Европу, чтобы изучать различия в исполнении классической музыки на старинных и современных фортепиано, с какими надеждами он вернулся, желая вдохнуть дух Востока в западные инструменты...

Теперь у него была только самодельная флейта и несколько десятков страниц новых партитур, написанных под сливовым деревом и спрятанных под подушкой. Он прятал их не из страха, что их украдут, ведь никто не станет воровать ноты, а чтобы не объяснять, зачем тратить силы на то, что нельзя ни съесть, ни выпить.

Хэ Шэньпин тоже не пошёл ужинать, он последовал за Ван Бинем в их комнату.

Время ужина, и в комнате никого не было.

Хэ Шэньпин нашёл неразрезанный лист бумаги, расстелил его на полу и написал два крупных иероглифа:

Герой

Позже он больше никогда не писал таких больших иероглифов.

Когда чернила высохли, он сложил бумагу и передал её Ван Биню:

— В новом месте, пусть ты...

Хэ Шэньпин хотел сказать: «Пусть ты станешь героем», но, глядя на молодое лицо Ван Биня, на то, как тот аккуратно спрятал бумагу в карман у груди, он вздохнул и после долгого молчания тихо произнёс:

— Пусть тебе не придётся быть героем.

Ван Бинь уже повернулся, чтобы собрать вещи, и неизвестно, услышал ли он это.

Фарфоровый завод находился далеко от вокзала, идти нужно было несколько ли [около 5 км].

Когда Ван Бинь собрался уходить, он увидел, что Хэ Шэньпин уже ждёт его у входа. Выйдя из дома, они встретили старого немой, который только что открыл котельную. Ван Бинь не знал, откуда у этого сгорбленного старика столько сил, но тот снял с его плеч багаж, положил на трёхколёсный велосипед и жестами предложил отвезти их на вокзал.

На фарфоровом заводе старый немой был словно невидимкой. Он не говорил, не вступал в споры, каждый день открывал котельную, чтобы нагреть воду, затем закрывал её, подметал пол, мыл окна — делал всё, но никто не замечал его. Даже Ван Бинь, который проработал на заводе несколько лет, ни разу с ним не общался.

Старый немой тянул Ван Биня и Хэ Шэньпина, настаивая, чтобы они сели на трёхколёсный велосипед, чтобы он отвёз их на вокзал. Ван Бинь и Хэ Шэньпин не соглашались, но после некоторого препирательства Ван Бинь сказал, что если они будут спорить дальше, он опоздает на поезд. Тогда старый немой отпустил их, с грустью сел на велосипед, сделал несколько оборотов педалей и оглянулся, чтобы убедиться, что они идут следом.

Когда они добрались до вокзала, солнце уже взошло.

Этот вокзал был маленьким, всего три платформы, рельсы покрыты ржавчиной.

Хэ Шэньпин открыл кувшин. Неизвестно, была ли проблема в его методе приготовления или в недостатке времени, но содержимое больше походило на сливовый уксус, чем на вино.

Ван Бинь, почувствовав запах, сказал:

— Господин Хэ, ты, наверное, тоже, как господин Цзян, хотел приготовить сливовое вино, чтобы выпить его перед уходом? Сливовое вино нужно настаивать хотя бы полгода, а ты выкопал его сейчас, жаль, жаль.

Хэ Шэньпин налил вино в коробку для еды, её крышку и кружку для полоскания рта Ван Биня:

— Не жаль. Сливы будут каждый год, вино можно приготовить снова. Но когда люди расстаются, неизвестно, когда снова встретятся.

Ван Бинь взял кружку, сделал глоток:

— Как кисло... — Он скривился, дрожа от кислоты, затем снова улыбнулся, глядя на Хэ Шэньпина и старого немого. — Скажите, разве это не странно? — Он поднял кружку в сторону Хэ Шэньпина. — Господин Хэ, культурный человек, играющий на фортепиано; — затем поднял кружку в сторону старого немого, но не знал, как его назвать, — ...смотритель котельной; — наконец, он прижал кружку к своей груди, — и вор яиц! Вот такие трое сидят и пьют вместе, даже в самом странном сне такое не привидится.

Старый немой выглядел ещё более грустным, его лицо, покрытое старческими пятнами, сморщилось, а мутные глаза покраснели. Он наклонился, покопался в левом носке, вытащил старую пятиконечную звезду, быстро спрятал её обратно, затем полез в правый носок, достал немного денег и сунул их Ван Биню.

Ровно столько, сколько стоило десять яиц.

Ван Бинь отказался, старый немой снова сунул деньги ему, и они долго спорили. Когда подошёл поезд, старый немой, пока Ван Бинь смотрел на него, сунул деньги в его рюкзак.

Поезд остановился, Ван Бинь поднял одеяло, таз и прочие мелочи, оставшиеся на трёхколёсном велосипеде, а также всё ещё кисло пахнущие кружку и коробку для еды, и сел в вагон.

Он помахал рукой из окна, увидел флейту в кармане Хэ Шэньпина и крикнул:

— Господин Хэ, сыграй что-нибудь! Ту мелодию, которую ты всегда играешь, глядя на вокзал.

Хэ Шэньпин достал флейту и заиграл в сторону приближающегося зелёного поезда.

Он вспомнил, как Гу Цзяпэй учила Юйгэ и Юйлоу петь:

*

У длинного павильона, на древней дороге

Трава зелёная, соединяющая небо

Вечерний ветер ласкает ивы, звук флейты затихает

Закат за горами

*

Юйгэ больше всего нравилась строка «Уходи, не колеблясь», а Юйлоу предпочитал «Приходи, не медли».

Вспоминая прошлое, на его лице появилась давно забытая улыбка.

Среди протяжного звука флейты, разносившегося по всей платформе, вдруг раздался юношеский голос, полный неуверенности:

— Папа...

Флейта замолчала.

Ещё более громкое «Папа!» раздалось снова, на этот раз ближе, словно ударив Хэ Шэньпина в спину.

Он ещё не успел обернуться, как его обняли сзади.

Когда он повернулся, то заметил, насколько странной была эта поза: Хэ Юйлоу держал Вэнь Юэаня, и у него не было свободных рук, а руки Вэнь Юэаня, раскрытые для объятий, повисли в воздухе, а затем быстро опустились, и он тихо произнёс:

— Учитель Хэ.

Его голос всё ещё был детским, но интонация уже не была детской.

Хэ Шэньпин кивнул.

Возможно, тоска накопилась слишком сильно, и, открыв рот, он смог только выговорить упрёк:

— Юйлоу, зачем ты взял Юэаня с собой?

Вэнь Юэань сказал:

— Учитель Хэ, я сам попросил старшего брата.

Хэ Шэньпин спросил:

— Цзяпэй знает?

Хэ Юйлоу ответил:

— Мама в командировке, Юйгэ настаивал, чтобы пойти с ней, дома остались только я и Юэань. Папа, не волнуйся, мы уезжаем завтра. Посмотри, что я тебе принёс?

Он ничего не взял с собой, кроме целого рюкзака книг, которые Хэ Шэньпин любил читать.

— И ещё словарь, папа, ты писал в письме, что учишь людей писать, и Юэань попросил меня привезти его.

Хэ Шэньпин взял словарь и сказал:

— Подожди меня.

Он подошёл к окну вагона и, пока поезд ещё не тронулся, передал словарь Ван Биню.

Ван Бинь взял его, радостный и не зная, что сказать, наконец пробормотал:

— Спасибо, господин Хэ, спасибо.

Хэ Шэньпин кивнул и сказал:

— Я должен был научить тебя. В тот день господин Цзян написал последние три строки из «Бури» Су Ши: «Оглянувшись на прошлое, где всё было сурово, ухажу, и нет ни ветра, ни дождя, ни ясного неба».

Ван Бинь несколько раз повторил про себя, затем засмеялся, но на этот раз его смех не был саркастичным, его смуглое лицо выглядело немного простодушным:

— Ухожу, и нет ни ветра, ни дождя, ни ясного неба... Это лучше, чем быть героем.

<http://bllate.org/book/15543/1382975>